

УДК 39.94.572.026

Основные факторы исторических изменений в вепсской деревне XX – начала XXI века

ЛЮДМИЛА ВАЛЕНТИНОВНА КОРОЛЬКОВА

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии
народов Северо-Запада России и Прибалтики
e-mail: korolkova@list.ru

В статье рассматриваются факторы, оказавшие наиболее существенное влияние на процесс разрушения вепсской деревни (XX – начало XXI в.) и сокращение численности вепсского населения в районах его традиционного проживания.

*Ключевые слова: социальная история, расселение,
традиционное хозяйство, демография.*

UDC 39.94.572.026

Principal Factors of Historical Changes within the Rural Veps Community in the 20th and 21st Centuries

LIUDMILA V. KOROLKOVA, PhD (History)

Chief Researcher, Department of the Ethnography of the Peoples of the North-West
of Russia and the Baltics, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
e-mail: korolkova@list.ru

The writer addresses those factors that made the greatest impact on the process of disintegration of the rural Veps community (20th to early 21st century) and on the reduction of the Veps population in areas of their traditional residence.

Key Words: social history, relocation, traditional economy, demography.

«Малочисленные» народы нашей страны переживают сейчас сложный этап в своем развитии, что обусловлено экономическим упадком ряда территорий, деструктивными процессами в этнической культуре: значительными изменениями в системе традиционных институтов социализации, почти полной потерей элементов национальной жизни, обычаяв,

традиций, сокращением численности населения, владеющего национальным языком. Все эти процессы негативно влияют на осознание своей этнической принадлежности, инициируют стирание этнических различий. Для того чтобы сохранить самобытную культуру и язык коренных народов, нужно четко осознать причины, которые привели к кризису и попы-

таться использовать уроки истории, чтобы не повторить ошибок прошлого.

Поднятая в статье тема не нова, на протяжении последних двадцати лет она постоянно находится в поле зрения российских и зарубежных ученых. Наряду с этим до настоящего времени в истории остаются лакуны, которые требуют дальнейшего изучения. Это в полной мере относится к вепсам – прибалтийско-финской малочисленной народности (этот статус вепсы получили в 2006 г.), традиционной территории расселения которых является восток Ленинградской обл., юго-западное Прионежье, восток Вытегорского и север Бабаевского р-нов Вологодской обл.

Известно, что сокращение численности вепсского населения стало происходить с 1940-х гг. К 1959 г. (по сравнению с 1939 г.) в Российской Федерации количество вепсов уменьшилось почти вдвое – с 31 449 до 16 700 чел. В то же время начались миграции из районов традиционного проживания этой народности. Сейчас за пределами своей этнической территории вепсы входят в число жителей городов, районных центров и сельских поселений Ленинградской, Вологодской обл. и Республики Карелия. Отдельные группы вепсов проживают сейчас на Украине, в Мурманской обл. и в Сибири¹.

Согласно материалам переписи населения 2002 г., численность вепсов в Ленинградской обл. составляла 2019 чел., из них в сельской местности проживало 66,5%. В четырех районах Ленинградской обл. вепсское население распределялось следующим образом. В Подпорожском р-не – 1226 чел. (сельское население 84,4%), в Тихвинском – 242 чел. (сельское население 64,8%), в Бокситогорском – 204 чел. (сельское население 89,2%), в Лодейнопольском – 76 чел. (сельское население 42,1%). В остальных районах Ленинградской обл. переписью был зафиксирован 271 вепс, а в Санкт-Петербурге – 318. В Карелии в 2002 г. проживало 4870 вепсов, что составляло 59,1% от общего количества представителей этой народности. В Вологодской обл. числилось 426 вепсов, в Мурманской – 128 чел., в Кемеровской – 83 чел., на Украине (2001) – 281 чел. Данные переписи 2010 г. дают следующую картину – в России к вепсам отнесли себя 5936 чел.; из них в Карелии – 3423 (57,66%), в Ленинградской обл. – 1380 (23,24%), а в Вологодской – 412 (6,9%)².

Эти данные показывают, что снижение численности вепсской народности происходило на протяжении всего послевоенного времени. Отрицательная динамика количественного состава сопровождалась ухудшением демогра-

фической структуры вепсского общества, разрушением традиционных социальных связей. За кардинальными сдвигами в численности и демографической структуре вепсского этноса стояли глубокие изменения в этнической идентичности вепсов, прежде всего тех поколений, социализация которых проходила во второй половине XX в.³.

В настоящее время численность вепсов в местах их традиционного проживания достигла критической отметки. Многие удаленные от административных центров поселения прекратили свое существование. Сохранившиеся вепские деревни представляют собой печальную картину: разрушающиеся дома, разбитые дороги, отсутствие культурно-бытовой инфраструктуры. Среди коренного населения преобладают жители пенсионного возраста. Немногочисленное население работоспособного возраста из-за отсутствия регулярного автобусного сообщения с административными центрами не может найти себе работу. В последние два десятилетия еще одной проблемой стало пьянство. Этим пороком страдают как мужчины, так и женщины. В целом ситуация сложна и не позволяет надеяться на возрождение вепсской деревни. В связи с этим особенно остро встает вопрос сохранения идентичности вепсского населения, мигрировавшего из сельской местности в города.

Проблемы сокращения численности вепсской народности, исчезновение языка и культуры попали в поле зрения исследователей в 1970–1980-е гг. На протяжении всего последующего времени ученые, а также все заинтересованные лица – краеведы, учителя, писатели, журналисты – пытались найти пути выхода из сложившейся ситуации⁴. В 1987 г. была заложена основа традиции празднования общевепсского праздника «Древо жизни». На начальном этапе этнической мобилизации была выработана обширная программа действий, направленных на ликвидацию отставания в социально-экономическом и культурном развитии районов традиционного проживания вепсов, и мер, способствующих их этническому возрождению – восстановлению письменности, развитию вепсского языка и культуры. В последние годы велась планомерная работа по включению вепсского языка в образовательные программы, выходили издания на вепском языке, создавались вепские общества. В 1992 г. в Петрозаводске был открыт «Центр национальной культуры и народного творчества Республики Карелия», в 1998 г. в селе Винницы Подпорожского р-на Ленинградской обл. начал свою работу «Центр по возрождению

исконных ремесел вепсского народа». В Республике Карелия и Вологодской обл. были административно оформлены национальные вепские сельские поселения. Меры, предпринятые для возрождения языка, письменности и культуры, были не напрасны; они способствовали развитию этнического самосознания вепсов, проживавших вне традиционной территории расселения, привили интерес молодежи к родному языку и традиционной культуре⁵.

К сожалению, все названные изменения в области культуры не повлекли за собой положительных сдвигов в демографической структуре вепсского этноса и не остановили миграцию вепсов из сельской местности. Причиной этого, на наш взгляд, была «запущенность» проблемы. В 1990-е гг. остановить запустение вепсской деревни – основы сохранения вепсской народности – только средствами культуры было уже невозможно, поскольку сложившаяся к тому времени ситуация являлась следствием социально-экономических и политических перемен, происходивших в нашей стране на протяжении всего XX в.

К этому выводу автора привело детальное изучение опубликованных источников по локальной истории народов России, посвященных сложным и противоречивым процессам развития национальной деревни⁶, и комплекса материалов, характеризующих социальную историю вепсов: публикации районных газет, выходящих в 1920–1930-е гг.: «Наш край» (г. Тихвин), «Красное поле» (г. Лодейное Поле), «Вепсовская правда» («Винницкая правда»), «Красное Шелтозеро», «Ленинский путь» (пос. Вознесенье); документальные свидетельства по истории вепсской деревни, полученные автором в ходе работы с ранее не публиковавшимися материалами, хранящимися в Центральном государственном архиве историко-политических документов (ЦГАИПД): рассекреченными документами Объединенного государственного политического управления (ОГПУ), протоколами заседаний и собраний сельских советов и низовых партийных организаций, ячеек Всесоюзной коммунистической партии большевиков ВКП(б) – Надпорожской, Каргиничской, Чикозерской, Вонозерской, Пелдушской, Озерской, Немжинской, Ладвинской, Радогощинской, Шимозерской, Шелтозерской и др; протоколами собраний и заседаний бюро, материалами конференций районных комитетов ВКП(б): Лодейнопольского, Тихвинского, Винницкого, Ефимовского, Капшинского; документами Ленинградского областного комитета партии, а также полевые материалы автора. Исследование показало, что основные

причины, приведшие к деструктивным изменениям в вепсской деревне и к сокращению численности вепсов, следует искать в сфере экономики и политики. Эта точка зрения и будет рассмотрена в настоящей статье.

До революции вепсская экономика базировалась на сельском натуральном хозяйстве, промыслах и ремеслах. Традиционная система земледелия была примитивной (трехполье в сочетании с подсеčno-огневой системой). В хозяйстве преимущественно использовались архаичные орудия труда: соха, еловая борона. Занятия сельским хозяйством не могли обеспечить крестьянам даже прожиточный минимум, поскольку земельные наделы на душу населения были небольшие. Так, например, в 1892 г. в Пелушской волости Тихвинского уезда на 1 душу населения приходилось 3 десятины земли, в Лукинской волости – 4 десятины, в Борисовщинской – 5 десятин. В Корвальском кусте деревень из 100 домохозяйств 41 не имели лошадей, 19 не имели коров и 14 вообще не имели скота. В Пелдушской волости из 444 хозяйств 48 не имели лошадей, 340 содержали 1 лошадь, а 15 не имели никакого скота. Своего хлеба бедным крестьянам хватало до декабря, а зажиточным – до марта. К началу XX в. в результате роста налогов на землю и цен на продукты вепсы оказались в очень сложной ситуации. Обеднение большинства вепсских хозяйств достигло таких размеров, что государство вынуждено было выдавать им хлебные пособия⁷.

Некоторые положительные сдвиги в хозяйстве вепсов произошли в ходе осуществления столыпинских реформ 1906–1911 гг. За время их проведения в вепсской среде образовалась прослойка состоятельных крестьян. Это были землевладельцы, использовавшие наемный труд, владельцы мельниц, гончарных предприятий, лавок, торговцы скотом. Торговля скотом была наиболее прибыльной; она позволила некоторым крестьянам составить себе приличное состояние, доходившее до 5000 руб. Этот промысел получил наибольшее развитие в Шапшинской волости (Шапша, Агашово, Юбиничи, Кукас)⁸.

Начало развития сельской экономики было прервано революцией 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войной (1918–1922). После революции сельское хозяйство продолжало развиваться экстенсивным путем; даже в 1924 г. вепсы имели слабое представление о том, что такое многополье⁹. Социалистические преобразования в вепсской деревне, как и во всей стране, начались с 1920 г. В первую очередь они коснулись кооперирования земледельческого

труда и промыслов. В районах расселения вепсов стали создаваться первые коллективные хозяйства. Так, например в Шимозерской волости был создан сельскохозяйственный коллектив «Труженик»¹⁰. Однако этот процесс проходил очень медленно, поскольку по времени он совпал с голодом и продразверсткой. Методы, использовавшиеся при сборе «излишек» хлеба, провоцировали рост крестьянского недовольства по отношению к сельскохозяйственной политике советской власти и часто приводили к открытым выступлениям крестьян. Известно, что в 1920 г. протест против продразверстки заявили крестьяне Пяозерского сельсовета (далее – с/с)¹¹.

Голод 1919–1920 гг. привел к тому, что большинство населения полностью обнищало. Изменить коренным образом состояние вепсской экономики не смогло и введение НЭПа. Преобразования, начатые в 1921 г., решили только вопрос «прожиточного минимума». Крестьяне получили возможность шире использовать систему подсеčno-огневого земледелия, благодаря чему было достигнуто увеличение производства зерна¹². В 1924 г. население многих вепсских волостей считалось «неплательщикам»; своего хлеба крестьянам хватало только до Рождества. В деревне преобладали бедняцкие хозяйства. В качестве примера приведу данные по Шелтозерской волости. В 1924 г. в ней числилось 74% бедняков, 20% середняков, 6% кулаков. Непростая экономическая ситуация в деревне – отсутствие результатов перемен, обещанных после революции, – привела к тому, что среди крестьян стало нарастать недовольство. Средняки, которые до этого времени безразлично относились к новой власти, стали поддерживать кулаков. Такое положение отмечено даже в относительно экономически благополучной Шапшинской волости¹³.

С 1924 г. вепсская деревня начала медленно переходить к новому землеустройству и кооперированию. Однако этот процесс не имел поступательного развития, так как беднейшее крестьянство оказалось психологически не готово понять и принять очередное нововведение. Так, например, в 1925 г. в Шимозерской волости было кооперировано всего 50 домохозяйств¹⁴. Кооперация, не успев набрать нужные темпы, повсеместно стала буксовать. В 1926 г. многие вепские потребительские общества стали работать с перебоями: появились случаи просрочки платежей по вексям, векселя стали опротестовывать. Таким образом возникла огромная задолженность пайщиков. Из-за неплатежей в вепсских деревнях практически

прекратились землеустроительные и лесоустроительные работы¹⁵.

Следующим ударом по экономике вепсской деревни стало повышение сельхозналога и семенной ссуды на 19%, установленное государством на 1926/1927 гг. Поскольку повышение налога предусматривало льготы для беднейшего крестьянства, то сумма, которая вычиталась из налога бедняков, раскладывалась на зажиточные хозяйства. Это привело к тому, что в каждой вепсской волости повышение налога было различно. Так, в беднейшей Шимозерской волости налог повысился на 0,5%, в Шапшинской волости – на 24%, в Винницкой – на 36%. Эта ситуация вызвала недовольство не только со стороны зажиточных крестьян, но и со стороны многих бедняков. Обнищание сельского населения в итоге явилось причиной того, что в 1927 г. из беднейших вепсских районов начался массовый отход крестьян на лесные заработки (Шимозерье, Ладва)¹⁶.

В 1927 г. кооперирование крестьянских хозяйств в вепсских деревнях проходило очень медленными темпами, так как население в силу традиции не понимало целесообразности коллективного труда. Крестьяне говорили: «Если брат с братом не уживается, отец с сыном делят землю, то как же могут чужие люди друг с другом ужиться!»¹⁷. Существующие крестьянские кооперативные хозяйства были не рентабельны и практически не приносили дохода. Все это влияло на выполнение крестьянами обязательств перед государством. По итогам 1927/1928 гг. план по самообложению в вепсских деревнях был не выполнен. Для того чтобы собрать недоимки, в деревне впервые было предложено применять к «упорствующим неплательщикам» репрессивные меры. К 1928 г. экономическая ситуация в вепсской деревне усугубилась из-за запрета на занятие подсечным земледелием. Урожай, который крестьяне смогли собрать на своих полях, был небольшим. Это обстоятельство вновь привело к кризису в хлебозаготовках¹⁸. Неудачи в реформировании сельского хозяйства стали причиной следующих перемен, которые произошли в экономике вепсской деревни в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

В 1929 г. государством был взят курс на коллективизацию сельского хозяйства, что подразумевало окончательную ломку общинных традиций и ликвидацию старой системы земельных отношений. Изменить ситуацию в деревне предлагалось незамедлительно. Однако заданные темпы коллективизации были абсолютно не приемлемы для экономики вепсской деревни. Ситуация усугублялась голодом 1930–

1932 г. Курс на ликвидацию частной собственности и увеличение налогового бремени вызвал резкое противодействие со стороны не только зажиточной части вепсского крестьянства, но и части бедняков, проживавших в наиболее отсталых районах. Практически во всех вепсских деревнях с 1930–1932 гг. велась агитация против создания колхозов¹⁹.

Первые колхозы, созданные при помощи «политической воли», были малочисленными. Часто в их составе были середняки и кулаки, которые рассчитывали таким образом сохранить свое хозяйство. Так, например, в 1930 г. в колхозе «Новая жизнь» (д. Вех-Ручей) было всего 16 хозяйств. В 1931 г. в Немжинском сельском совете колхоз «Красный Путиловец» состоял из 25 хозяйств (40 бедняков, 77 середняков, 5 батраков). Основными производителями сельской продукции оставались зажиточные хозяйства. В 1931 г. в Вонозерском с/с единоличный сектор в колхозе производил почти 70% ржи и около 50% овса²⁰.

Неудачи в колхозном строительстве руководство страны объяснило их засорением кулацкими элементами. В 1931 г. было принято решение о проведении «чистки» колхозов. Эта кампания проходила во всех вепсских с/с в 1931–1932 гг. За эти годы из колхозов были исключены почти все так называемые кулаки. Многие из них были выселены из районов проживания или подверглись уголовному преследованию²¹. Поскольку решения о чистке колхозных рядов принимались ограниченным кругом людей (члены коммунистической партии, комсомольцы, часть деревенской бедноты), действия новой власти натолкнулись на глухое сопротивление со стороны большинства крестьян. Наиболее стойкими в противодействии коллективизации оказались крестьяне Вонозерского с/с. Так, в 1932 г. в ходе проверки этого сельсовета районным комитетом партии было сделано заключение, что «в Вонозере коллективизация не идет и население ее не понимает». Многие крестьяне работали по принципу «вперед себе, а потом государству»²².

В 1932 г. в целом коллективизация в вепсских сельских советах охватывала менее 40% хозяйств. Об этом свидетельствуют документы того времени. Так, из 240 хозяйств Надпорожского с/с было коллективизировано 127. В Шапшинском с/с числилось 259 колхозников и 157 единоличников. В Прокушевском с/с – 78 хозяйств (из них 48 – в колхозах); в Пожарищенском с/с, состоящем из 138 хозяйств, только 10 числились в колхозе. В Радогощинском с/с из 305 хозяйств были коллективизированы 123.

В Сидоровском с/с из 113 крестьянских хозяйств 12 были колхозными²³.

Состояние вепсских колхозов, особенно в Ефимовском районе, в 1932 г. было плачевным. Весенний сев был сорван. Не было семян, отсутствовали корма для рабочего скота, лошади были крайне истощены. Крестьяне без согласия колхозов уходили из деревни на заработки. Во всех сельсоветах начался отток крестьян из колхозов. Так, например, из колхоза «Красное знамя» Радогощинского с/с вышло 5 хозяйств (из них 3 бедняцких); из колхоза «Объединенный чухарь» Сидоровского с/с вышло 24 хозяйства, из колхоза «Имени Ворошилова» – 16 хозяйств. Повсеместно крестьяне допускали довольно жесткие высказывания о советской власти, они говорили: «Советская власть доведет нас до того, что мы будем пухнуть с голода!». В Сидоровском с/с прямо при комиссии, содействовавшей хлебозаготовкам, крестьянин д. Степанова Гора заявил: «Пусть гады возьмут хлеб, и кто будет есть наш хлеб, пусть того разорвет!», а в д. Юшково один из колхозников в сердцах сказал: «Советская власть нас доведет до того, что не только конину будем есть, но и, придется, своих ребят!». В южно-вепсских деревнях крестьяне даже решились на открытое выступление против хлебозаготовок и обстреляли из ружей уполномоченного РИК (Районного исполнительного комитета)²⁴.

Причины «развалов» коллективных хозяйств были обусловлены рядом факторов, прежде всего, политических и экономических. По всем вепским деревням в то время распространялись слухи о скорой войне. Крестьяне передавали друг другу, что первыми жертвами станут коммунисты и колхозники. Плохое экономическое состояние колхозов руководящие партийные органы объясняли безобразным руководством со стороны правления колхозов и местных партийных организаций. В ряде документов того времени неоднократно указывалось, что большинство руководителей имели слабое представление о том, как следует вести хозяйство. Были случаи, когда на должности председателей колхозов назначались неграмотные крестьяне (колхоз «Имени Ярвисало» в Рыборецком с/с). Часто между председателем колхоза и колхозниками возникали конфликты. Основной их причиной было то, что трудодни не распределялись по едокам. Местную власть крестьяне упрекали в том, что они позволяют «мужиков грабить – сдирать последнюю шкуру»²⁵.

Нищенское положение вепсской деревни, вызванное неурожаем и голодом, усугублялось необходимостью выплаты многочис-

ленных налогов государству. В 1932/1933 гг. «мобилизация средств на социалистическое строительство» включала сельхозналог, самообложение, страховые платежи, вклады в сберкассу, пай в кооперацию, займы «пятилеток», натуральный налог и дорожную повинность. В вепсских деревнях план по сбору средств выполнялся по разным сельсоветам от 20 до 53%. За неуплату обязательных платежей у крестьян описывали имущество. Результатом этих действий стало усиление противодействия колхозному строительству. В д. Радогоща, к примеру, крестьяне говорили, что «колхоз – это каторга; в колхозе все ходят босые и сидят голодные». Особую активность в агитации против колхозов часто проявляли женщины. Они распространяли слухи о «скором конце советской власти»²⁶.

Доходность колхозов в 1933 г. оставалась низкой, поэтому заработок колхозников был небольшой. Он зависел от состояния дел в колхозе. Так, например, в Сарозерском с/с, где в колхозе было много недостатков, колхозник получал на трудодни 149 руб. 77 коп. за отработанный год, а в вепсских колхозах Прионежья за 449 трудодней можно было получить в среднем 332 руб. деньгами и 264 рубля продуктами. Колхозы терпели большие убытки из-за бесхозяйственного отношения к коллективной собственности. Часто урожай вовремя не убирал с полей, и он гнил; не уделялось должного внимания сельскохозяйственному инвентарю. Из-за плохого ухода за скотом и отсутствия кормов страдало животноводство: суточный удой с одной коровы в 1933 г. составлял 3 литра²⁷.

Для того чтобы обеспечить выполнение плана заготовок, в 1933 г. был предпринят ряд мер, направленных на ужесточение сбора сельскохозяйственного налога. Запрещался помол зерна на домашних жерновах, за невыполнение государственных обязательств по заготовкам предусматривалась уголовная ответственность (лишение свободы на 2–3 года с конфискацией имущества или исправительно-трудовые работы). В Ефимовском районе на изъятие хлеба зимой 1933 г. в Абрамогорский с/с выезжал специальный отряд с представителем ОГПУ и уполномоченным РИК. Во время проведения хлебозаготовок к крестьянам применялись жесткие меры: аресты, выселения из мест проживания. В результате этих мероприятий было собрано 82,9% хлеба²⁸.

Репрессивные меры, примененные к наиболее ярким противникам коллективизации, и ставка на беднейшее крестьянство в колхозном строительстве в ряде мест способствовали уве-

личению количества колхозов и их численного состава. В вепсских сельских советах за период с 1931 по 1935 г. были созданы следующие коллективные хозяйства: Шокшозерский с/с – колхозы «Имени К.Е. Ворошилова», «Имени С.М. Буденного», «Пятилетка» и «Путь к социализму»; Нажмозерский с/с – колхозы «Красный пахарь» и «Красное поле»; Шимозерский с/с – колхозы «Рускед мяги», «Рускед Сирп», «Вепс», «Кивинем», «Красная роща», «Сурь-те»; Пяжезерский с/с – колхозы «Волна» и «Озеро»; Кризовский с/с – колхозы «Новый путь», «Путь Октября», «Красная заря» и «Светлый путь»; Торозерский с/с – колхозы «Красная жизнь», «Рускед-Сарг», «Единый труд», «Путь Октября»; Сяргозерский с/с – колхоз «Красная звезда»; д. Тойвино – колхоз «Волна»; Ладвинский с/с – колхоз «Путь крестьянина»; Шапшинский с/с – колхозы «Борец», «Новая жизнь», «Горка», «Объединенный труд»; Немжинский с/с – колхоз «Красный путиловец», Озерский с/с – колхоз «Красная Оять»; Мягозерский с/с – колхозы «Пионер» и «Красная милиция»; Ярославичи – колхоз «Красный ураган»; Ратигорский с/с – колхозы «Ударник», «Красный ручей»; Надпорожский с/с – колхозы «Путь к социализму», «Новый быт», «15 годовщина Октября»; Каргинский с/с – колхозы «1 Октября», «Большевик», «Память В.И. Ленина»; Чикозерский с/с – «Красный уголок», «Красный маяк», «Красный пахарь»; Сарозерский с/с – колхоз «Красная гора», «Вепсовская правда»; Сидоровский с/с – колхозы «Объединенный вепс», «Имени Ворошилова»; Прокушевский с/с – колхоз «Прокушево»; Пожарищенский с/с – колхоз «Маяк социализма»; Радогощинский с/с – колхоз «Красный вепс». Последним в 1935 г. был коллективизирован Вонозерский с/с, в нем был создан колхоз «Вепс»²⁹.

Несмотря на то, что с 1934 г. ужесточились требования государства к партийным и советским органам в области решения хозяйственных задач, значительного улучшения работы вепсских колхозов не произошло. Если показатели по расширению запашки полей и сбору сельскохозяйственной продукции увеличивались, то это вовсе не свидетельствовало об улучшении качества работы. В 1935 г. положение колхозов было нестабильным. Крестьяне часто не выполняли директивы, касающиеся времени проведения сельскохозяйственных работ, а руководствовались традиционным календарем. В Прионежье и во многих удаленных вепсских колхозах скотные дворы находились в крайне плохом состоянии. Не было стойл, кормушек; коровы никогда не чистились, навоз своевре-

менно не убирался. Источники того времени отмечали, что «дисциплина в ряде колхозов сильно расшатана». Среди крестьян опять появилось «брожение умов». Почти повсеместно в деревнях можно было услышать антисоветские высказывания. По деревням распеваались частушки антисоветского содержания, подобные той, что была записана в д. Вонозеро: «Вонозерские колхозы осенью развалятся, председателя убьют, счетовод – задавится!»³⁰.

К 1938–1939 гг. ситуация в вепских колхозах не улучшилась. Среди колхозников окончательно сформировалось мнение об общественной собственности как ничьей. Особенно сложным было положение удаленных колхозов. В сводках того времени говорилось: «В Ладве весенняя посевная подготовлена плохо. Нет нужного количества семян, нет фуража. Межрайонная база не оставила семян для дальних вепских районов»; «В колхозе урожайность с каждым годом снижается, потому что посевные площади слабо удобряются. Слабая трудовая дисциплина среди колхозников, рабочий скот истощен», «Колхозники не выполняли распоряжения бригадиров; шли убирать свой огород вместо того, чтобы собирать урожай в колхозе». В запущенном состоянии находились животноводческие фермы. Из-за плохого ухода за животными падеж скота в 1940 г. только по одному колхозу «Путь крестьянина» Ладвинского с/с составил свыше 120 голов. Фермы не имели необходимого инвентаря. «Лечение животных не проводилось, а доярки безобразно относились к своим обязанностям – в пунктах переработки молока царил грязь»³¹.

Деструктивные изменения в системе хозяйствования, вызванные Великой Отечественной войной и голодом 1942–1950 гг., окончательно подорвали устои колхозного строительства. В послевоенные годы все вепские колхозы существовали на дотации государства. К началу 1990-х гг. колхозы находились в таком состоянии, что возродить их уже не было никакой возможности. Нестабильность в экономике деревни на протяжении всего XX в. приводила к миграциям из вепских деревень наиболее активных крестьян.

Внутренние подвижки сельского населения стали наиболее ощущаться после реформ 1860-х гг.; в вепских районах стала развиваться сезонная миграция. Она была обусловлена малой эффективностью сельского труда. От малоземелья страдали почти все вепские волости. Как правило, сезонные миграции приходились на время, свободное от сельскохозяйственных работ. Несмотря на то, что большинство трудоспособного мужского насе-

ления уходило в поисках дополнительных заработков, миграционные подвижки населения в то время не нарушали традиционный уклад жизни вепских деревень.

Первые невозвратные миграции из вепских деревень начались после столыпинских реформ 1906–1911 гг. Первыми переселенцами были вепсы из Тихвинского уезда Новгородской губ. Местом переселения была выбрана Иркутская обл. Там вепсы обосновались на бурятских землях, где ими были образованы две небольшие вепские колонии³². Наиболее значительными были миграции в Сибирь в послереволюционные годы. Их причинами были неурожай, голод и принудительный труд на лесозаготовках в голодное время. Больше всего семей уехало в 1919–1920 гг. из Борисовщинской волости Тихвинского уезда, так как там был «самый ужасный голод»: в деревнях крестьяне питались мякиной и соломой пополам с древесной корой.

Вторая волна невозвратных миграций пришла на время хозяйственного кризиса, разразившегося в стране в 1927–1928 гг. Первыми, кто отважился на переезд, также были крестьяне из южно-вепских деревень. Известно, что в 1927 г. на территорию бывшего Горно-Шорского р-на Кемеровской обл. прибыли семьи из д. Еремина Гора, Маслово (миграции вепского населения в указанный район продолжались до начала 1950-х гг.)³³.

Весной 1932 и на протяжении всего 1933 г. под влиянием слухов «о скором развале колхозов» и близящейся войне часть крестьян-единоличников из Сидоровского, Прокушевского и Пожарищенского с/с стали уезжать на жительство в Сибирь.

Основной причиной для переселения было сложное экономическое состояние деревни. Об этом свидетельствуют документы того времени. Так, например, крестьяне Григорьев Павел, Данилов Егор, Пудов Семен, проживавшие в вепских деревнях Радогощинского с/с, свой отъезд объясняли непосильными налогами, отсутствием семян для весеннего сева. Они полагали, что получают возможность в Сибири стать рабочими в промышленности. Сохранившиеся похозяйственные книги по Сидоровскому с/с показывают, что отток местного населения в Сибирь продолжался и в 1935 г. В это время из д. Васьково уехал Спичков Антон (1867 г. р.), из д. Еремина Гора – семья Корсаковых с 5-ю детьми. С хутора Березняк переехала в Сибирь семья Поповых с 4-мя детьми, а из д. Чайгино уехали семья Кошниковых с 3-мя детьми и Игнатъев А.Г.³⁴.

Поскольку экономическое состояние деревни не улучшалось, в 1935 г. вепские крестьяне стали просто уезжать из районов своего проживания. Так, из колхоза «Вепс» в неизвестном направлении скрылись 4 человека, из колхоза «Имени VII съезда» сбежало 8. Часть крестьян, ушедших весной 1935 г. на сплав в село Доможирово (р. Оять), не вернулись домой. Следующей причиной, подтолкнувшей крестьян к переселению, стало сведение хуторов в предвоенные годы. К концу 1930-х гг. ситуация в деревне была такова, что молодежь старалась использовать любой легальный повод для отъезда из деревни. Такая возможность появилась в 1937 г. Колхозы давали разрешение на выезд в города тем, кто имел среднее образование и соглашался учиться в партийных школах или выбирал для себя профессию учителя или военного³⁵.

Отток молодежи из вепских деревень продолжился в 1950-е – 1960-е гг. Многие молодые парни, отслужив в армии, в деревню уже не возвращались. Девушки, уехавшие на учебу, также старались остаться в городах³⁶. В это же время в результате проводимой государством политики «неперспективных деревень» запустел Шимозерский край. Местное население расселилось по деревням и городам Вытегорского р-на Вологодской обл. (Оштинский с/с) и Подпорожского р-на Ленинградской обл. (Шустручейский, Гонгинский и Немжинский с/с). Часть вепсов переселилась в русские деревни Прионежья³⁷.

Следующая волна миграций пришла на 1970–1980-е гг. В это время были закрыты почти все начальные школы в удаленных от административных центров деревнях, и родители с детьми были вынуждены переселяться туда, где были школы, жилье и работа. Если в семье были престарелые родители, то их забирали с собой. Таким образом, за несколько лет количество вепских поселений значительно сократилось. Оставшиеся в деревнях люди нетрудоспособного возраста покинули свои дома и переехали на центральные усадьбы после закрытия магазинов и почты.

Направления миграций были различны. Население, проживавшее в вепских деревнях Карелии, уезжало в основном в Петрозаводск. Большинство вепсов Ленинградской обл. оставались в своем регионе. Так, например, из куста деревень, расположенных на Шигольском озере, местные жители переезжали в основном в Бокситогорский р-н (Борский, Сеглинский, Мозолевский с/с). Из Сяргозера и Капшозера – в деревни Пашозерского и Шугозерского с/с. Вепское население из корвальского куста дере-

вень (д. Чидово, Чубово, Ребов Конец, Корвала) переселилось в деревни и поселок, расположенные на Святозере (д. Красный Бор, Саньков Бор, пос. Красноборский). Сюда же перебрались несколько семей из д. Кортыла и Лахта с Пелушского озера. К концу 1970-х гг. в п. Красноборский проживало около 300 человек, больше половины составляли дети школьного возраста³⁸.

Помимо указанных выше населенных пунктов вепсы из южновепских деревень уезжали в пос. Заборье, Ефимовский, в города Тосно, Бокситогорск, Пикалево, Тихвин, Ленинград. Новым местом жительства для многих оятских вепсов стали деревни Алёховщинского с/с и пос. Винницы, а также прилегающие к нему русские деревни, г. Лодейное Поле и Подпорожье. В 1989 г. в вепских деревнях от 50% до 90% населения составляли люди старше 50 лет. Это означало, что вепская деревня обречена на умирание³⁹.

В 1990-е гг. изменения в социально-экономической и политической сферах привели к новому всплеску миграционных подвижек населения. Запустел пос. Красноборский, где ранее находился леспромхоз, обеспечивавший работой местное население; прекратили свою работу почта, медпункт, клуб. Единственным объектом социальной сферы некоторое время оставался магазин, но и он вскоре был закрыт. Причиной прекращения торговли стала сложная криминальная обстановка в районе – участвовавшие случаи грабежей сельских магазинов в удаленных деревнях. Сложная ситуация была в поселке лесозаготовителей Курба и в ряде других мест⁴⁰. Писатель А. Петухов еще в 1990 г. писал: «Вепсы теперь боятся любых новаций и полностью утратили веру в реальное улучшение условий своей жизни»⁴¹. Поэтому очередная смена политического и экономического курса страны окончательно дестабилизировала ситуацию в районах расселения вепсов. В середине 1990-х гг. в семье и в школе детям советовали после получения образования уезжать из деревни, так как никакой перспективы для них в деревне не было. Рост темпов миграции сдерживался только отсутствием у населения средств на переезд и гарантий трудоустройства на новом месте.

В 1990-е гг. наиболее сильно сократилась численность южных и капшинских вепсов; повсеместно население вепских волостей старело. К 1995 г. в Радогощинской волости общее количество жителей составляло 561 чел. (из них в деревнях проживал всего 131 чел.). Вепсами числились 249 чел. (118 мужчин и 131 женщина). Молодежь до 30 лет составляла всего

3,8%, а дети – 1,5%. Население Сидоровской волости на тот момент времени составляло менее 400 человек⁴². В деревнях Алексеевской волости в 1995 г. проживало всего 117 чел., из них детей школьного возраста – 6. Немного лучше обстояли дела в Приютье. Население Ярославичской волости составляло 569 чел. (273 из них проживали в пос. Ярославичи). Детей школьного возраста было около 70. В Озерской волости население достигало 707 чел. (в местной школе обучались 63 чел.). Население Курбинской волости составляло 786 чел. (в местной школе был 61 ученик). В д. Вонозеро Лодейнопольского р-на проживало 156 чел. Самой крупной была Винницкая волость – 3012 чел. (население самого поселка 2400 чел.), однако в ней наряду с вепсами проживало и русское население⁴³.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в вепских районах Ленинградской обл. произошло сокращение малокомплектных школ. Были закрыты многие почтовые отделения, медпункты, магазины, клубы. Прекратила существование единственная железнодорожная ветка, соединявшая пос. Заборье с пос. Красноборский. В деревнях продолжала ухудшаться демографическая ситуация. Очередное укрупнение сельских поселений привело к упразднению ряда вепских волостей: Сидоровской, Алексеевской, Ярославичской, Озерской и Курбинской.

В настоящее время вепсы в границах своего традиционного расселения проживают на территории следующих сельских поселений: Винницкого, Радогощинского, Пашозерского (Ленинградская обл.), Пяозерского и Куйского (Бабаевский р-н Вологодской обл.), Шокшинского, Шелтозерского, Рыборецкого (Прионежский р-н Карелии). В Вологодской обл. и в Карелии указанные поселения имеют статус «вепских». Общая численность этих деревень и поселков в настоящее время не превышает 9000 человек. Население смешанное⁴⁴.

Изложенный выше материал показывает, что социально-экономическая и политическая трансформации жизни вепской деревни проходили на протяжении довольно длительного времени. Начало деструктивным процессам в сельском обществе было положено в первые десятилетия советской власти. Глубина кризиса вепской деревни определялась в первую очередь воздействием социально-экономического и политического факторов. С 1950-х гг. в районах расселения вепсов начались необратимые процессы в экономике и демографии. Их итогом стала социально-хозяйственная деградация деревень и депрессивное состояние населения. Эта ситуация была усложнена политическим и экономическим кризисом 1990-х гг. Таким образом к началу XXI столетия вепская деревня оказалась на грани исчезновения.

¹ Вепсы – Википедия. С.1. // [www.http://ru.wikipedia.org](http://ru.wikipedia.org) (дата обращения 2.02.2012)

² Там же. С. 3, 4.

³ Строгальщикова З.И. Предисловие // Вепсы: модели этнической мобилизации. Сб. материалов и документов / Отв. ред. М.Н. Губогло. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. – С. 27.

⁴ Строгальщикова З.И. Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепской народности // Проблемы истории и культуры вепской народности: Сб. науч. тр. / под ред. В.В. Пименова. – Петрозаводск, 1989. – С. 27–42; Сукоделов А.А., Степанов В.В. Малочисленный этнос: вопросы национальной и социальной политики (на примере вепсов) // Советская этнография. 1990. – № 5. – С. 34–46; Строгальщикова З.И. Вепсы на рубеже XX–XXI вв.: задачи и итоги возрождения // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества: Сб. науч. тр. / Под ред. М.Л. Гольденберг. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. – С. 5–47; Вепсы: модели этнической мобилизации. Сб. материалов и документов / Отв. ред. М.Н. Губогло. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. – С. 337 с.

⁵ Зайцева Н. Знать родной язык сегодня и завтра // Вепсы: модели этнической мобилизации. Сб. материалов и документов. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. – С. 104; Власова Л. Родная речь из уст в уста //

Указ. соч. – С. 108, 109; Зайцева Н. Знать родной язык сегодня и завтра // Там же. – С. 104, 105; Якушева В.А. Социально-экономическое положение вепсов Подпорожского муниципального района // Вепсы: на рубеже XX–XXI вв. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. – С. 109–116.

⁶ Димони Т.М. Традиции социального протеста крестьянства и их значение для России XXI века // Россия накануне XXI века. – Вып. 2. – М.: ИСПИ РАН, 1995. – С. 463–469; Ялтаев И.Ф. Крестьянство Марийской автономной области в годы коллективизации (1929–1936 гг.) // Марийский археографический вестник: Научно-практический ежегодник. – Йошкар-Ола: 1997. – Вып. 7. – С. 100–108; Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) // ОИ. 1999. – № 3. – С. 81–99; Димони Т.М. Голод 1946–1947 гг. в Вологодской деревне // Материалы научных чтений памяти Петра Андреевича Колесникова: Межвузовский сб. науч. тр. – Вологда: «Русь», 2000. – С. 183–191; Надькин Т.Д. Антиколхозное движение крестьянства Мордовии в начале 1930-х гг. // Мордовское национальное движение в XX веке. Материалы респ. науч. конф. – Саранск: «Красный октябрь», 2003. – С. 54–60; Харитонова Н.Г. Социальные последствия аграрной политики ВКП(б) и изменения уровня жизни советского крестьянства в 1953–1991 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – СПб.: Изд. РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. – № 2. – С. 41–58;

Надькин Т.Д. Аграрная политика советского государства и крестьянство в конце 1920-х – начале 1950-х гг. Дисс. докт. ист. наук. Саранск. 2007. – 453 с.; Самойлова И.В. Идеологическое воздействие на крестьян в 1921–1925 гг.: формы и средства: по материалам Новгородской губернии. Дисс. канд. ист. наук. – СПб., 2008. – 193 с.; Надькин Т.Д. Репрессивная политика государства в деревне Мордовии в 1930-х – 1940-х гг. // Актуальные проблемы исторической науки. Межвуз. сб. науч. тр. молодых ученых. – Пенза: ГУМНИЦ, 2006. – Вып. 3. – С. 142–158. Клишева В.А. Крестьянские хозяйства Удмуртии. 1917–1927: социально-экономический анализ. Дисс. канд. ист. наук – Ижевск. 2008. – 184 с.; Минеева Е.К. Политика Советской России в отношении национальных меньшинств в 20–30-е гг. XX века (на примере Марийской, Мордовской и Чувашской автономий) // Социокультурные аспекты стратегического развития региона: Мат. IV регион. науч. конф. – Чебоксары, 2008. – С. 101–109.

⁷ Колмогоров А.И. Поездка по Чухарии // Землеведение. – М., 1905. – Т. XII. – С. 106–109.

⁸ ЦГИАПД. Ф. 0-993. Оп. 1. Д. 202. Л. 78–82; Протоколы собраний Шапшинской ячейки ВКП(б). 1932 г.; Ф. 0-993. Оп. 1. Д. 237. Л. 2–4; Протоколы собраний партийной организации при колхозе «Красный гончар» Подборского сельсовета. 1934 г.

⁹ Там же. Ф. 0-1635. Оп. 1. Д. 304. Л. 2 об., 72; Отчеты, сводки и сведения уполномоченных Укома РКП(б) коллективов и ячеек волостей Суббочинской, Шапшинской, Шелтозерской и Шимозерской за 1924 г.

¹⁰ Там же. Д. 112. Л. 12; Протоколы общих собраний Шимозерского волостного коллектива РКП(б). 1920 г.

¹¹ Там же. Л. 6, 22.

¹² Абрамов М. Жизнь оятского мужика и как ее улучшить // «Красное поле». 1925. – № 25 (35). – С. 3.

¹³ ЦГИАПД. Ф. 0-1635. Оп. 1. Д. 112. Л. 75 об., 109, 127.

¹⁴ Там же. Д. 393. Л. 8; Протоколы общих собраний, заседаний бюро и совещаний актива Шимозерской волостной организации РКП(б). 1925 г.

¹⁵ Там же. Л. 86; Там же. Д. 494. Л. 117; Информационные и статистические отчеты, сводки и сведения Лодейнопольского Укома ВКП(б). 1926 г.

¹⁶ Там же. Л. 116.

¹⁷ Статья без названия // «Красное поле». Лодейное Поле. 1927. – № 23 (496). – С. 2.

¹⁸ ЦГИАПД. Ф. 0-1800. Оп. 1. Д. 57. Л. 43; Протоколы бюро Капшинского РК ВКП(б) за 1928 г.; Там же. Д. 63. Л. 64, 109; Протоколы собраний группы бедноты. 1928 г.

¹⁹ Там же. Ф. 0-993. Оп. 1. Д. 171. Д. 3; Протоколы собраний Шапшинской ячейки ВКП(б). 1931 г.

²⁰ Там же. Ф. 0-192. Оп. 27. Д. 151. Л. 19; Протоколы собраний Вонозерской ячейки ВКП(б). 1931 г.; Там же. Д. 126. Л. 35 – Протоколы собраний Немжинской ячейки ВКП(б). 1932 г.

²¹ Там же. Д. 52. Л. 10, 35; Протоколы собраний Немжинской ячейки ВКП(б). 1930 г.; Там же Ф. 0-993. Оп. 1. Д. 151 Л. 37; Протоколы собраний Вонозерской ячейки. 1931 г.; Там же. Д. 167. Л. 37, 60, 61, 67; Протоколы собраний Надпорожской ячейки ВКП(б). 1931 г.

²² Там же. Ф. 0-192. Оп. 27. Д. 122. Л. 3–10; Протоколы собраний Ладвинской ячейки ВКП(б). 1932 г.; Там же Ф. 993. Оп. 1. Д. 182 Л. 1; Протоколы собраний Вонозерской ячейки ВКП(б). 1933 г.; Дать отпор // Красное Шелтозеро. 1932. – № 3 (20). Л. 1.

²³ Там же. Ф. 1070. Оп. 1. Д. 144. Л. 130, 180; Ефимовский РК ВКП(б): Докладные записки, сводки райкома ВКП(б) и переписка с Обкомом ВКП(б) и органами ОГПУ о мерах по укреплению колхозов, ходе сельхозработ и о выполнении заготовок. 1932–1933 гг.

²⁴ Там же. Д. 82. Л. 20, 22; Протоколы общих собраний и бюро Радогощинской колхозной ячейки ВКП(б) и общих собраний колхоза «Красный чухарь». 1930 г.; Там же Д. 145. Л. 13, 15, 18, 23, 55, 155; Ефимовский РК ВКП(б): Оперативные сводки РО ОГПУ 1932–1933 г.; Там же. Ф. 0-192. Оп. 7. Д. 79 Л. 40; Протоколы собраний Немжинской ячейки ВКП(б). 1931 г.; Там же. Оп. 27. Д. 122. Л. 37 об.; Там же. Д. 126. Л. 11; Протоколы собраний Немжинской ячейки ВКП(б). 1932 г.

²⁵ Там же. Ф. 0-993. Оп. 1. Д. 202. Л. 2; Протоколы собраний Шапшинской ячейки ВКП(б). 1932 г.; Там же. Ф. 0-1070. Оп. 1. Д. 82. Л. 20; Там же. Д. 145. Л. 8, 32, 40, 112, 113, 135, 166, 284, 307, 317; Там же. Д. 129. Л. 13; Протоколы собраний Сарозерской кандидатской группы ВКП(б). 1932 г.; Пионер. Колхозники отвечают кулацким подвалам // «Красное Шелтозеро». 1932. – № 4 (21). – С. 4.

²⁶ Там же. Ф. 0-1070. Оп. 1. Д. 145. Л. 283, 374; Там же. Ф. 0-192. Оп. 27. Д. 122. Л. 37, 38; Там же. Ф. 0-993. Оп. 1. Д. 233. Л. 3; Протоколы собраний ячейки ВКП(б) Вонозерского с/с. 1934 г.

²⁷ Там же. Ф. 0-192. Оп. 27. Д. 129. Л. 89; Кто больше работает, больше и лучше получает. Итоги распределения урожая в колхозе «Новая жизнь» // «Красное Шелтозеро». 1932. – № 9 (26). – С. 3.

²⁸ Там же. Д. 171 Л. 2; Протоколы собраний Ладвинской ячейки ВКП(б). 1933 г.; «Вепсовская правда». 1933. – № 69 (181). С. 2. – № 93 (205). С. 2; Там же. Ф. 0-192. Оп. 27. Д. 308. Л. 5; Протоколы собраний Ладвинской первичной парторганизации. 1936 г.

²⁹ Порядок проведения чистки членов партии ячеек Винницкого района // «Вепсовская правда». 1933. – № 60. С. 2, 3; Изжить недочеты скотных дворов // «Красное Шелтозеро». 1935. – № 7 (24). С. 2; И.А. Где забота о людях // «Голос Колхозника». С. Ошта, 1936. – № 24 (453). – С. 2.

³⁰ ЦГИАПД. Ф. 0-993. Оп. 1. Д. 262. Л. 4–16, 48; Информационная политсводка. 1935 г.; Там же. Ф. 0-192. Оп. 27. Д. 259. Л. 1, 17, 19; Протоколы собраний Ладвинской первичной парторганизации. 1935 г.

³¹ Там же. Д. 346. Л. 50–52; Протоколы собраний Ладвинской первичной парторганизации. 1937 г.; Там же. Д. 385. Л. 3, 81; Протоколы Ладвинской первичной парторганизации. 1938 г.; Там же. Д. 424. Л. 1, 3, 7, 18, 54; Протоколы собраний Ладвинской сельской первичной парторганизации. 1939 г.; Там же. Ф. 0-192. Оп. 27. Д. 558. Л. 4; Протоколы собраний Ладвинской территориальной первичной парторганизации. 1941 г.

³² Строгальщикова З.И., Зайцева Н.Г. Вепские переселенцы в Сибирь // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества. – Петрозаводск, 2008. – С. 49–52.

³³ Тырышкина Т. Этнические и демографические процессы у вепсов Кемеровской области // Тезисы XXXII научной конференции Эстонского национального музея. – Тарту, 1990. – С. 46, 47; Горюнов. Впечатление от поездки в Борисовщинскую волость // Наш край. – Тихвин, 1920. – № 28. – С. 4.

³⁴ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 147. Л. 21; Королькова Л.В. Дневник экспедиции в Бокситогорский р-н Лен. обл. и Тихвинский р-н Лен. обл. 2002 г.; Полевой дневник рекогносцировочного выезда в Лен. обл. и экспедиции в Бокситогорский район Лен. обл.

³⁵ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп.1. Д. 116. Л. 18, 34 об.; Королькова Л.В. Дневник экспедиции в Подпорожский и Тихвинский районы Лен. обл. 2000 г.

³⁶ Там же. Л. 34 об.

³⁷ Архив РЭМ. Ф. 10. Оп.1. Д. 118. Л. 12, 12 об.; Королькова Л.В. Полевой дневник экспедиции в

Подпорожский р-н Лен. обл. в августе 1999 г. и рекогносцировочный выезд в Тихвинский район.

³⁸ Там же. Д. 116. Л. 3, Л. 5 об.; Ф. 10. Оп. 1. Д. 115. Л. 27 об., 28, 31 об.: Королькова Л.В. Полевой дневник экспедиции в Подпорожский и Тихвинский р-ны Лен. обл. 2000 г.

³⁹ Там же. Л. 19.

⁴⁰ Там же. Д. 116. Л. 3, 4.

⁴¹ Петухов А. Нужна ли вепсам автономия // Северные просторы. 1990. – № 6. – С. 4, 5.

⁴² Архив РЭМ. Ф.10. Оп.1. Д. 82. Л. 13 об.: Полевой дневник экспедиции в Тихвинский, Бокситогорский, Подпорожский, Лодейнопольский р-ны Лен. обл. 1995 г.

⁴³ Там же. Л. 4, 13 об., 27–33, 39.

⁴⁴ Шелтозерское вепское сельское поселение // [www. http://ru.wikipedia.org/wiki/Шелтозерское](http://ru.wikipedia.org/wiki/Шелтозерское) (дата обращения 12.02.2012); Рыборецкое вепское сельское поселение // [www. http://ru.wikipedia.org/wiki/Рыборецкое](http://ru.wikipedia.org/wiki/Рыборецкое) (дата обращения 12.02.2012); Куйское национальное сельское вепское поселение // [www. http://ru.wikipedia.org](http://ru.wikipedia.org) (дата обращения 12.02.2012); Шокшинское сельское поселение // [www. http://hghltd.yandex.net/Шокшинское](http://hghltd.yandex.net/Шокшинское) (дата обращения 12.02.2012); Пашозерское сельское поселение // [www. http://lenobl.ru/gov/municipal/mc16/rshsr](http://lenobl.ru/gov/municipal/mc16/rshsr) (дата обращения 12.02.2012); Администрация МО «Винницкое сельское поселение» // [www. http://vinadm.podadm.ru](http://vinadm.podadm.ru) (дата обращения 12.02.2012); Информация о численности Радогощинского сельского поселения на 01.01.2012 получена автором статьи от главы сельского поселения.

Формирование образа ребенка (представления и практики финно-угров Поволжья и Приуралья)

ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА КОЛЧИНА

Российский этнографический музей (Санкт-Петербург)
Заведующая отделом этнографии народов Поволжья и Приуралья
e-mail: kolchina-e@mail.ru

В статье рассматриваются представления и практики, связанные с формированием этнически обусловленного эстетического облика человека на ранних этапах процесса социализации у финно-угорских народов Поволжья и Приуралья.

Ключевые слова: социализация, этносоциальная идентификация, идеальный облик человека.

The Evolvement of the Infant Appearance Type (in Accordance with the Conceptions and Practices of the Finno-Ugric Peoples of the Volga and Ural Region)

ELENA V. KOLCHINA

Head, Department of the Ethnography of the Volga and Ural Peoples,
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia
e-mail: kolchina-e@mail.ru

The article deals with the conceptions and practices that gave rise to the development of the ethnically-determined aesthetic human appearance type at the early stages of socialisation experienced by the Finno-Ugric peoples of the Volga and Ural region.

Key Words: ethnic socialization, ethno-social identification, ideal human personal appearance.

Внешность человека – один из существенных этноидентификационных признаков. Визуальные характеристики позволяют выстраивать оппозиции различного таксономического уровня – не только «свой – чужой», но и «свой красивый – свой некрасивый». Сложившиеся представления об обыденной красоте устойчивы и отражают некоторые этнические стереотипы в вопросах предпочтительности. Поэтому стремление человека к формированию идеального образа было вовсе не иллюзорно, а вполне конкретно.

На каждом этапе социализации детей в традиционном обществе, в частности у финно-угорских народов Поволжья и Приуралья, имели место особые практики, направленные на обеспечение привлекательности внешности. Для перинатального (дородового) периода важнейшим являлось соблюдение беременной определенных запретов для того, чтобы младенец родился здоровым, не имел физических недостатков, а также непривлекательных, с точки зрения традиционных эстетических представлений, черт внешности. На этапе нео-